

«Произведение подданного всероссийского народа»

СТРОИТЕЛЬСТВО нового государственного аппарата было лишь частью той грандиозной задачи, которую поставил перед собой великий преобразователь России. В поле его зрения были не только административный аппарат, экономическая политика, военное дело, но и само общество — люди, подданные. В петровское время социальная структура общества претерпела не меньшие перемены, чем структура власти или экономики. Конечно, мы можем говорить о социальных изменениях как следствии всего комплекса реформ — военной, податной и т. д. Но вместе с тем немало было сделано реформатором и с целью преобразования именно социальной структуры, реализации грандиозного замысла «произведения подданного всероссийского народа»

В результате социальные последствия преобразований оказались столь же грандиозны, как и экономические, внешнеполитические и иные. Фактически ни у одного сословия статус не остался неизменным.

Весьма значительны были перемены в положении дворянства. Собственно, сословие дворянства XVIII—XIX веков в том виде, каким мы его знаем по литературе, было оформлено, точнее, организовано Петром. Здесь нет преувеличения, ибо в допетровской России существовало единое сословие так называемых служилых людей, в которое входили как служилые «по отечеству», то есть по происхождению, так и служилые «по прибору», то есть по набору на добровольных началах.

Вершину пирамиды служилых чинов составляли члены Боярской думы — думные чины (бояре, кравчие, окольничие, постельничие, думные дворяне, думные дьяки). Кроме думных чинов в служилые «по отечеству» входили стольники, стряпчие, жильцы московские и городовые дворяне (то есть служившие по списку столичного и провинциальных городов). К служилым людям «по прибору» относились мелкие служилые чины: пушкарки, городовые казаки, затынщики и т. д. Близки к ним были и

подьячие. И хотя целая социальная пропасть разделяла думные чины и «приборных», тем не менее служилое сословие было единым, граница между служилыми «по отечеству» и служилыми «по прибору» была размыта, что позволяло иному подьячему подняться до Боярской думы. Не было служилое сословие отгорожено непреодолимым барьером и от податных сословий — крестьян, горожан, из числа которых и вербовались служилые. Любопытно, что эта практика на окраинах страны сохранялась еще при Петре. В 1720 году сибирский губернатор А. Черкасский запрашивал Сенат о том, что делать с теми, которые «вышли из крестьянства и из купечества в служилые люди и которые ныне определены в те чины, в прежних ли чинах быть, или в старые верстать?». Сенат отвечал, что «впредь из купечества и из крестьянства в такие чины не писать»¹.

Единство служилого сословия XVI—XVII веков было обусловлено тем, что все сословие на срок государственной службы, где бы она ни проходила, обеспечивалось поместьями, в том числе населенными. Иначе говоря, в отличие от многих других сословий русского общества служилые люди обладали правом земле- и душевладения, то есть теми привилегиями, которые впоследствии стали монополией дворян.

Петровская эпоха навсегда покончила с сословием служилых людей. Произошел распад сословия на две категории: большая часть служилых «по отечеству» превратилась в дворянство (шляхетство), меньшая часть служилых «по отечеству» (преимущественно малосостоятельные служилые юга России), а также служилые «по прибору» вошли в сословие государственных крестьян, искусственно созданное Петром.

Конечно, предпосылки для расслоения сословия созревали исподволь. Здесь следует упомянуть и процесс слияния бояр и дворян под воздействием самодержавной власти, нивелирующей всех подданных, когда потомки удельных князей уже не обладали никакими преимуществами, соревнуясь в служении повелителю и ожидая милости от него. Царь же мог избранно возвышать одних и принижать других, независимо от происхождения.

Эта тенденция к консолидации верхушки служилого сословия развивалась и под воздействием изменения характера самой службы и системы вознаграждения за нее. До конца XVII века служба сохраняла известную перио-

личность, своеобразную «сезонность»: служилые собирались на смотры со своими вооруженными челядинцами («конно, людно и оружно»), чтобы затем с чувством облегчения вернуться в поместье и, засунув подальше саблю и пищаль, мирно жить до следующего смотра. С петровских времен, характерных непрерывными войнами, служба для всех категорий служилых стала постоянной, а система ее оплаты изменилась. За службу в регулярной армии начали платить денежное жалованье. Поместья же, перестав быть видом жалованья за службу, стали фактически неотторжимы. Они все больше сливались с другой формой землевладения — вотчинной, то есть родовой. В 1714 году поместья и вотчины были бесповоротно объявлены единой недвижимой собственностью помещика-дворянина.

Издавна шел и процесс дифференциации служилых «по отечеству» и служилых «по прибору». Для последних роковую роль сыграла военная реформа Петра. Она покончила с нерегулярностью прежней армии. На смену городovým казакам, пушкарям и т. д. пришли регулярные гарнизонные и полевые полки, в которые многие «приборные» зачислялись рядовыми. Часть же «приборных», лишившись службы и соответственно связанных с нею привилегий, приравнивалась к крестьянам и посадским, облагалась, как и они, повинностями. «Приборные» таким образом низводились до положения тяглых, то есть низших, категорий населения.

Социальная поляризация шла, естественно, постепенно и была, конечно, изначально predetermined той дистанцией, которая в принципе разделяла московского боярина и тамбовского городского казака, но все же при Петре этот процесс получил необычайно быстрое развитие. Тяжелая рука Петра властно вмешалась в его течение, придав ему заданное идеей реформатора направление.

Громадную роль в изменении положения сословия служилых людей сыграло введение Петром нового, отличного от прежнего, критерия службы, а именно — принцип происхождения был заменен принципом личной выслуги. В соответствии со своей кардинальной идеей службы, служения как главной обязанности подданных и своим представлением о роли самодержавного монарха, стоящего на вершине пирамиды чинов, Петр не мог допустить, чтобы включение в служебную иерархию и продви-

жение по лестнице чинов определялось таким не зависящим от самодержца критерием, каким было происхождение, а не выслугой, то есть заслугами перед царем, определяемыми по законам, им же самим продиктованным и изменяемым по собственному усмотрению.

Введение принципа личной выслуги резко усиливало власть самодержавия над дворянством. На смену традиционному сословию служилых «по отечеству» приходил военно-бюрократический дворянский корпус, на смену прежнему своевольному боярину или стольнику, гордому своим происхождением, давшим ему положение в обществе, — послушный, всем обязанный властелину офицер или чиновник.

Вначале было много сделано для приостановки развития, разрастания старого служилого сословия. В 1695 году прекратили жаловать в стольники и стряпчие, а в 1703-м — в жильцы. Тем самым обрезались корни, питавшие многовековое древо служилых «по отечеству». Тогда же практически были прекращены пожалования в боярские чины. Боярская дума, как выше отмечалось, не будучи официально уничтоженной, без притока новых старцев фактически вымерла буквально за десять — двенадцать лет.

Следует подчеркнуть, что это делалось Петром сознательно и составляло одну из характерных, хотя на первый взгляд неожиданных для стиля Петра, черт политики. Наряду с коренной ломкой старых институтов царь-реформатор уничтожал их еще и тем, что не поддерживал питающих их традиций. Примечательно и нежелание Петра как-то «состыковать» старую чиновную систему с той, которая создавалась им на основе Табели о рангах. При обсуждении Табели Сенат пытался это предложить: «Понеже еще остались в древних чинах некоторые персоны, а именно: бояре, кравчие, окольные, думные дворяне, спальники, стольники и прочие чины, того ради предлагается: не изволит ли его царское величество оных по их живот определить против других рангами». Петр проигнорировал предложение сенаторов².

К этому нужно добавить, что многие стольники, стряпчие и другие чины служилых «по отечеству» были взяты в полки регулярной армии, причем не всегда на офицерские должности.

В петровскую эпоху происходит оформление дворянства не как чина, разновидности прежнего служилого сос-

ловия, а как единой корпорации, класса-сословия, обладающего особыми привилегиями. Вместе с тем Петр, заметно выделяя дворянство как привилегированное сословие, не был склонен ослаблять узду, снимать с него типичные для старого сословия служилых обязанности службы. Наоборот, эти обязанности с введением регулярной армии и бюрократизацией управления стали еще более тяжелыми.

Дворянское звание могло иметь привилегированное значение только тогда, когда его носитель служил. Только тот дворянин достоин почитания, внушал своими указами Петр, который служит. Именно с такими взглядами Петра связан указ Сенату начала 1712 года, устанавливавший преимущество офицера перед неслужащим дворянином: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждой дворянин во всяких случаях (какой бы фамилии ни был) почесть и первое место давал каждому обер-офицеру и службу почитал, и писатца только офицерам, а шляхетству (которые не в офицерах) только то писать, куды разве посланы будут. А ежели протиф сего не почитит офицера, положить штраф треть его жалованья, ис чего фискалу по указу тож и офицеру, ежели уступит»³.

Петр разработал целую систему превращения просто дворян в служащих, ибо вне службы их жизнь, в сущности, царем не мыслилась. Следствием этого стала практика обязательного обучения дворянских детей, ибо без элементарного образования нельзя было служить. Причем Петр, как и всегда, действовал весьма решительно. Указ от 20 января 1714 года уникален в русской истории: дворянину, не постигшему основ знаний, необходимых для службы, запрещалось жениться: «Послать во все губернии по несколько человек из школ математических, чтоб учить дворянских детей, кроме однодворцев, приказного чина, цыфири и геометрии и положить штраф такой, что *невольню будет жениться*, пока сего выучится»⁴.

Под вопли родителей дворянские отроки отправлялись за счет государства (отсюда применяемый к ним термин «пенсионеры») за границу, где они обучались различным специальностям. В Отечестве эти функции выполняли Морская, Инженерная, Артиллерийская академии, куда тоже зачисляли, не особенно считаясь с желаниями отроков и их родителей. Однако самой важной школой дворян была гвардия — Преображенский и Семеновский полки, где они были обязаны служить с малых лет.

Петр I экзаменует учеников, возвратившихся из-за границы. Картина Н. Н. Каразина.

Служба солдатами и сержантами, подчас под заботливым и бдительным присмотром самого царя — полковника Преображенского полка, была суровым испытанием.

Более того, Петр стремился преградить путь в офицеры тем дворянам, которые не постигли азов воинской службы, не прошли школы гвардии. 26 февраля 1714 года был издан указ: «Понеже многие производят сродников своих в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые и служили только для лица по несколько недель или месяцев; того ради таким требуется ведомость, сколько каких чинов есть с 709 году, а впредь сказать указ, чтоб из дворянских пород и иных со стороны отнюдь не писать, которые *не служили солдатами в гвардии*»⁵.

Тот же принцип зафиксирован в воинском Уставе 1716 года: «Шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что *служить в гвардии*»⁶.

Самодержавию были нужны не только солдаты и офицеры, но и чиновники учреждений. Генеральный регламент закреплял законодательным путем идею о гражданской службе русского дворянства как одной из важ-

нейших форм исполнения обязанностей перед государем и государством.

В Генеральный регламент была внесена глава, которая предполагала обучать дворянских детей канцелярскому делу: «К чему позволяетца из шляхетства допускать и быть им под управлением секретаря, которой повинен их определить и ко всяким делам в коллегии сущим... И смотреть, дабы они обучались как письму, так и всем делам, принадлежащим во оном коллегии, дабы со временем могли произходить в вышние чины по градусом» (т. е. по Табели о рангах) ⁷.

Необычной казалась современникам идея обучения дворянских отроков профессии «чернильного племени» подьячих. Но на дворе были новые времена, и Петр, отвечая недовольным судьбой своих отпрысков, попавших в канцелярию и обязанных начинать службу с самого низа бюрократической лестницы, провозгласил: «Того ради сего фамилиям знатым и шляхетским в укоризну не ставить, ибо кроме сего пути никто вышний градус и до министерского чина произведен быть не может». Иначе говоря, Петр предупреждал, что как военным без службы в солдатах, так и гражданским — минуя канцелярию, по Табели о рангах не подняться вверх. С 1722 года для дворянских детей была введена специальная канцелярская должность — камер-юнкер, исполнять которую надлежало без послаблений. По этому поводу Петр дополнил Генеральный регламент словами: «дабы их [юнкеров] по коллегиям обучать так, как подьячих, с самых нижних дел приказных и сего смотреть в коллегиях накрепко, дабы в том маны не было и под видом учения гуляния, за что будут члены коллежские жестоко наказаны».

Чтобы созданная пирамида чинов воспроизводилась и в ней (как и во всем обществе) существовала известная субординация, Петром и его сподвижниками была подготовлена в 1722—1724 годах знаменитая Табель о рангах — один из важнейших документов русской истории. Она появилась на свет после тщательного анализа аналогичных документов развитых стран Европы, препарированных в соответствии с условиями России. Табель вводила новую (отличную от прежней служилой) иерархию чинов, которые можно было получить посредством личной службы, поднимаясь последовательно от чина к чину. Все чины делились на четыре категории: воинские (в том числе сухопутные, гвардейские, артиллерийские), морские, штатс-

кие («статские») и придворные. Важной чертой Табели было то, что она устанавливала соответствие между чинами разных категорий. Приведу пример, взяв цитату из Табели:

Классы	Воинские			Морские	Статские	Придворные
	Сухопутные	Гвардия	Артиллерийские			
4.	Генерал-майоры	Полковник	Генерал-майор, генерал-майор от фортификации	Шаутбенахты; оберцейг-мейстер	Президенты от коллегий и Штатс-конторы, тайные советники, обер-прокурор	Обер-гоф-мейстер; обер-камергер

Всего подобных граф — «классов», разбитых вертикально на шесть отделов, в Табели четырнадцать. Соответственно, чтобы стать генерал-майором (4-й класс), человеку нужно было, отслужив в солдатах, попасть в 14-й класс — стать фендриком или флигель-адъютантом при генерал-лейтенанте или бригадире, затем дослужиться до унтер-лейтенанта (13-й класс), затем стать лейтенантом (12-й класс), выйти в капитан-лейтенанты (10-й класс), затем — в капитаны или флигель-адъютанты при генерал-фельдмаршале (9-й класс), затем — в майоры (8-й класс), подполковники (7-й класс). Получив очередное звание полковника или заняв должность обер-провиант-мейстера, офицер оказывался в 6-м классе, должность бригадира или генерал-провиантмейстера давала ему 5-й класс. И лишь после этого он мог рассчитывать стать генерал-майором (см. таблицу). При успешной службе генерал-майор мог продвигаться в генерал-лейтенанты и тем самым оказаться в 3-м классе, откуда рукой подать до полного генерала (2-й класс), а может быть, до генерал-фельдмаршала, находившегося на вершине военной чиновной лестницы — в 1-м классе. Генерал-фельдмаршалу соответствовали генерал-адмирал и канцлер в 1-м классе по морской и по статской иерархии.

Особенно важна была гражданская иерархия, по которой могли подниматься вверх служащие коллегий и канцелярий:

14-й класс — юнкер коллегии или ему равный чин;

- 13-й класс — протоколист или переводчик;
- 12-й класс — камерир или секретарь надворного суда;
- 11-й класс для статских отсутствует;
- 10-й класс — секретарь коллегии;
- 9-й класс — советник коллегии;
- 8-й класс — ассессор коллегии;
- 7-й класс — обер-секретарь;
- 6-й класс — прокурор;
- 5-й класс — вице-президент;
- 4-й класс — президент коллегии;
- 3-й класс — генерал-прокурор;
- 2-й класс — действительный тайный советник;
- 1-й класс — канцлер.

Принцип личной выслуги закреплялся особым положением Табели, в котором говорилось, что выходцы из высших категорий дворянства не избавляются от службы, начиная ее снизу. Дети титулованных и знатнейших дворян, а также всех выслужившихся в высокие чины имеют доступ в общество и ко двору, но лишь «для знатной их породы или их отцов знатных чинов». Сами же они чинов отцов не получают и должны выслужить их: «Однакож Мы для того никому никакого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характеры не получают»⁸.

Особо полно и даже афористично принцип личной выслуги выражен в резолюции Петра на пункт доклада Военной коллегии о признаках определения знатного дворянства от 11 ноября 1724 года. Военная коллегия запрашивала: «О недорослях указ повелевает знатного шляхетства и офицерских детей писать в гвардию, а протчих и у которых отцы в классах (имеется в виду Табель о рангах.— Е. А.)— в другие полки. А понеже невозможно знать, которое знатное шляхетство, того ради требуется определение, каким образом знатное шляхетство считать: по дворовому числу, ото ста дворов и выше или по регламенту о рангах, до котораго класса». На это Петр наложил резолюцию: «Знатное дворянство по годности считать»⁹.

Не приходится сомневаться, что в понятие «годности» царь вкладывал выслугу и личные качества, то есть критерии, не связанные с происхождением или, как предлагала Военная коллегия, с числом дворов или достижением при службе определенного класса Табели о рангах.

Здесь мы касаемся очень важного сюжета — права делать карьеру согласно Табели о рангах представителям

других сословий. И в армии, и в государственном аппарате было очень много выходцев из тяглецов, даже крепостных, и холопов, сделавших карьеру при Петре. В принципе прежняя система служилого сословия позволяла это делать и раньше. Однако разница состояла в том, что Петр законодательным путем четко определил условия, при которых недворянин мог двигаться вверх, стать дворянином. Проходя лестницу чинов, он вливался в контингент военных и чиновников не как чужеродное тело, а как дворянин.

Подход Петра к знатности как достоинству, определяемому личной выслугой и качествами человека, вовсе не ставил задачу демократизации верхушки общества, не вводил буржуазных критериев оценки человека. Он лишь открывал возможности «годным», то есть способным и преданным в службе государю, выходцам из низших слоев общества улучшить свой социальный статус, стать членами привилегированного сословия, критерием оценки которого была та же «годность». Объективно это должно было усиливать дворянство, всю систему власти, всегда нуждавшуюся в притоке «свежей крови», способных выходцев из низов.

Анализ состава офицерского корпуса русской армии накануне окончания Северной войны, проведенный М. Д. Рабиновичем, показал, что офицеры — выходцы из недворян составляли 13,9% от общей численности офицеров, причем в пехоте каждый пятый офицер был по происхождению недворянин. Не случайно указом 16 января 1721 года младшие офицеры автоматически были возведены в дворянство: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети, и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство»¹⁰. Это была очень важная акция политического характера, укреплявшая режим.

По некоторым свидетельствам документов можно понять, что Петр мечтал, чтобы весь государственный аппарат состоял из дворян. Указом от 31 января 1724 года было запрещено определять в секретари учреждений недворян, чтобы они не могли «в ассессоры, советники и выше происходить». Исключение делалось только для наиболее талантливых подьячих, которые «какое знатное дело покажет или заслужит». Их могли производить в секретари и давать им «шляхетство как в воинской службе кто в прапорщики пожалован».

Будущее же выходцев из других сословий определялось Табелью о рангах. Для получения дворянства требовалось дослужиться до 8-го класса. В военной иерархии нужно было стать майором или обер-квартирмейстером, обер-фискалом или цальмейстером. Дворянство давала должность капитан-лейтенанта гвардии, капитана третьего ранга на флоте, а также асессора, обер-секретаря коллегий и еще не менее пятнадцати идентичных или близких к названным должностей в государственных учреждениях. Однако преувеличивать эти возможности не следует: чтобы стать дворянином, нужно было десятилетия тянуть служебную лямку, служить и услуживать.

Не может быть иллюзий и при оценке общего положения дворянского сословия в государстве. В целом петровская политика в отношении дворянства была весьма жесткой, в сущности закрепостительной, ибо дворяне-чиновники, дворяне-офицеры имели во всех смыслах гораздо меньше свободы, чем служилые «по отечеству» XVII века. Об этом хорошо сказал историк русского дворянства С. М. Троицкий: «В большинстве европейских государств служба монарху была привилегией членов феодального сословия. В России она стала для них обязанностью. Фактически это была пожизненная служба. Табель о рангах увеличивала служебное бремя для представителей дворянского класса, дополнив его обязанностью учиться. Поэтому в целом новый закон усиливал бюрократизацию самого правящего класса России, что нашло отражение в статьях, подчеркивавших преимущество рангов и чинов, получаемых за государственную службу, а также определявших порядок предоставления дворянского достоинства за службу в армии и гражданских учреждениях»¹¹.

В связи с этим возникает вопрос: это забюрократизированное, зарегламентированное дворянство, обязанное учиться, чтобы затем служить, служить и служить на бессрочной военной и гражданской службе (даже отставленные от службы «за старостью и за ранами», в чем их часто освидетельствовал сам самодержец, определялись в гарнизоны или «кто к какому делу будет способен»¹²), можно ли назвать господствующим классом-сословием в том смысле, как мы понимаем это применительно к екатерининским или николаевским временам? Не является ли в данном случае термин «бюрократизация» эвфемизмом термина «закрепощение», широко употреблявшегося в от-

ношении к петровскому дворянству в старой русской науке?

Мне могут возразить: дворяне — господствующий класс, ибо обладали правом владеть землями, населенными крепостными крестьянами, которых эксплуатировали. Это, конечно, так, но применительно к петровской эпохе душевладение не было исключительным правом дворянского класса. Крепостными крестьянами, а тем более холопами могли владеть как в XVII, так и в XVIII веке представители и служилого сословия, и купечества. Лишь впоследствии дворянству удалось добиться монопольного права на владение населенными имениями.

Следующий момент. Следует внимательнее присмотреться к тому, что мы называем правом владения населенными имениями. Действительно, в петровское время произошло формальное укрепление земельной собственности дворянства: временные держания — поместья — окончательно слились с родовыми — вотчинами — в единую земельную собственность. Это было достигнуто вследствие указа от 23 марта 1714 года — знаменитого указа о майорате, единонаследии. Но сам по себе указ ставил совсем иные цели. Его прямая задача состояла в том, чтобы навести такой «порядок» в землевладении, который бы бесперебойно обеспечивал государство военными и гражданскими служащими из дворян, «выживая» их из деревень. Это достигалось запрещением делить недвижимые имения между сыновьями. В указе от 23 марта 1714 года об этом говорилось так: «1. Всех недвижимых вещей, то есть: родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместей, также и дворов, и лавок не продавать и не закладывать, но обращаться оным в род таким образом: 2. Кто имеет сыновей и ему же еще хочет единому из оных дать недвижимое чрез духовную, тому в наследие и будет; другие же дети обоего пола да награждены будут движимыми имениями, которых должен отец их или мать разделить им при себе, как сыновьям, так и дочерям, колико их будет, по своей воле, кроме онаго одного, который в недвижимых наследниках будет».

Мотивов такой жесткой меры Петр приводит несколько. Во-первых, он высказывает беспокойство о судьбе знатных родов, растворявшихся вследствие дробления родовых владений: «А когда от... пяти по два сына будут, то по сту дворов достанется и тако далее умножаясь, в такую бедность придут, что сами однодворцами заставить

могут, и знатная фамилия, вместо славы, поселяне будут, как уже много тех экземпляров (образов) есть в российском народе».

Во-вторых, существующий порядок наследования, по мнению царя, неудобен и даже вреден государству, ибо государственные доходы с таких мелко поделенных владений будут падать, и наоборот: «ежели недвижимое будет всегда одному сыну, а прочим только движимое, то государственные доходы будут справнее, ибо с большего всегда господин довольнее будет, хотя по малу возьмет, и один дом будет, а не пять (как выше писано), и может лучше льготить подданных, а не разорять».

Можно было бы много выдвинуть контраргументов в споре с петровской «политэкономией», но делать это некорректно во всех смыслах. Можно сказать лишь одно: Петр последователен в защите государственных интересов, он не останавливался ни перед какими мерами их обеспечения, жертвуя при этом сословными интересами отдельных групп населения, в том числе и тех, кого принято считать привилегированными.

Главный довод в пользу введения единонаследия состоит, по мысли законодателя, в том, что «каждый, имея свой даровой хлеб, хотя и малой, ни в какую пользу государства *без принуждения служить и простирается не будет*, но ищет всякой уклоняться и жить в праздности, которая (по святому писанию) материю есть всех злых дел». При передаче имения единственному наследнику «прочие не будут праздны, ибо *принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами* и прочим. И то все, что оные сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть, чего ради за благо изобретено чинить по сему»¹³.

Чтобы у дворян не было надежды обойти этот тягостный закон, 14 апреля того же года был принят еще один дополнительный акт, который усложнял и обходный путь — возможность покупки имений для младших детей за деньги: «Ежели кадет пойдет в службу воинскую и получит себе службою деньги, на которыхя себе захочет купить деревни, дворы или лавки, то ему вольно купить, *однакож по седми лет службы его*; буде же в гражданской службе будучи, то *по десяти лет службы его*; буде же в купечестве, мастерстве будучи, то *по пятнадцати летех*. А кто ни в чем вышеписанном не будет, тому *никогда невольно, даже до смерти*».

Таким образом, с одной стороны, укрепляя помещичью собственность путем соединения вотчин и поместий, государство, с другой стороны, вводило право пользования этой собственностью в еще более жесткие рамки, чем пользование помещьем в системе поместной службы XVII века, делая фикцией преимущества от слияния двух видов собственности. К этому нужно добавить, что помещик, оставив завешание, не мог быть уверен, что его последняя воля будет в точности исполнена, — в петровское время была распространена практика утверждения завещаний наиболее состоятельных дворян самим царем.

В совокупности все это ставит под сомнение безапелляционность утверждения о дворянстве — господствующем классе. Можно говорить лишь о привилегированном сословии военных и чиновных слуг русского самодержца, привилегии которых существовали до тех пор, пока они исправно исполняли свою службу. В противном случае они превращались в ничто, в пыль.

Избежать службы для дворянина петровского времени законным путем было невозможно, а незаконные пути пресекались строжайшими указами, грозившими дворянам публичными наказаниями, публикацией имен «нетчиков» на специальных досках, прибиваемых к виселицам. Страшнее морального унижения для дворянина была конфискация владений за отказ служить. Указы обещали передать доносчику часть владений «нетчика»: «а буде кто из них [дворян] на тое службу не поедут и с сего числа будут явятся на Москве и в деревнях своих, а про то кто известит, и за то у тех людей *поместья их и вотчины отписаны будут на великого государя* и из тех отписных деревень некоторая часть взята будет и отдана *тем людям, кто про то на того известит*».

Фактически ежегодно проводились смотры дворян, после которых взрослые и недоросли зачислялись на службу без отсрочек и послаблений. Вот типичный для того времени указ о явке шляхетства на смотр (от 11 января 1722 года): «А ежели кто из оных до того срока и на тот срок приезда своего не запишет и на смотр не явится, и таковые будут шельмованы, и с добрыми людьми ни в какое дело причтены быть не могут, и ежели кто таковых ограбит, ранит, что у них отымет, и у таких а ежели и до смерти убьет, о таких челобитья не принимать, и суда им не давать, а *движимое и недвижимое их имение отписаны будут на нас безповоротнo*»¹⁴.

Трудно представить себе, каким бы было русское дворянство, если бы принципы Петра последовательно осуществлялись после его смерти. Подлинная эмансипация дворянства, развитие его дворянского (в европейском смысле этого слова) корпоративного сознания происходили по мере его «раскрепощения» в 30—60-е годы XVIII века, когда вначале был отменен майорат, ограничен срок службы, а затем появился знаменитый манифест 1762 года, название которого говорило само за себя: «О даровании вольности и свободы российскому дворянству». Как мы видели, оснований для акта о предоставлении свободы было больше чем достаточно.

Распад служилого сословия привел не только к образованию дворянства, но и к появлению так называемых однодворцев, оставшихся как бы за чертой, отделившей привилегированных слуг царя от прочих, непривилегированных.

Многие факторы оказали сильное влияние на оформление юридического статуса однодворцев. Являясь государственными служилыми людьми, они сосредоточивались преимущественно на юге страны, на территории окраинных военно-административных округов — Севского и Белгородского разрядов — и по своему социальному и экономическому положению стояли ближе к тяглым слоям, точнее, к крестьянству, чем к служилым «по отечеству» центра.

Однодворцы чем-то напоминают бедных идальго, шедших в авангарде Реконкисты — отвоевания Испании у мавров. Они, так же как идальго, жили на опасной окраине, как тогда называли, «украине», осваивая на свой страх и риск целинные земли, неся охрану границы и постепенно продвигаясь все дальше и дальше на юг.

Несмотря на то что на однодворцев распространялись нормы поместного права, они отличались от служилых центра своим образом жизни, вели хозяйство, как крестьяне, число же крепостных у них было незначительно. Писатель второй половины XVIII века В. Нарезный в романе «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» изображает быт однодворцев, который мало в чем изменился по сравнению с петровскими временами. Вспоминая свою молодость, герой говорит: «Из таковых князей был почтенный родитель мой, князь Симон Гаврилович Чистяков. При кончине своей он сказал мне: „Оставляю тебя, любезный сын,

не совсем несчастным: у тебя довольно поля есть, небольшой сенокос, огород, садик и, сверх того, крестьяне — Иван и мать его Марья. Будь трудолюбив, работай, не стыдясь пустого титула, и бог умножит твое имущество».

Далее, описывая роман с хорошенькой дочкой соседа, княжной Феклушей, герой повествует: «Однажды, встретив ее, согбенную под коромыслом, сказал я с сожалением: «Ах, княжна! тебе, конечно, тяжело?»—«Что ж делать»,— отвечала она, покрасневшись. Я взял ведры и донес до дому. «Спасибо, князь»,— сказала она. Я потрепал ее по плечу, она пожала мою руку, мы посмотрели друг на друга, и она сказала: «Завтра рано на заре буду я полоть капусту»,— и остановилась. «Я пособлю тебе»,— вскричал я, обнял ее и поцеловал».

Процесс оформления статуса однодворцев как особой сословной группы шел давно, но в петровское время, как и многие подобные процессы, он резко усилился. Создание регулярной армии подорвало, как уже отмечалось выше, старую поместную систему обороны, в которую и входили служилые южных окраин. Самым важным следствием преобразований для однодворцев было лишение их ряда привилегий, и прежде всего податной — свободы от платежа налогов. Правда, на протяжении XVII века служилые юга наряду со службой выполняли некоторые повинности, однако в петровское время произошла качественная перемена: однодворцы не были включены в состав регулярной армии, а их налоги и повинности стали рассматриваться как компенсация за освобождение от воинской службы. В итоге в 1710 году однодворцы оказались в подворном тягле наряду с крестьянами, в том числе и теми, владельцами которых они являлись.

Однако окончательно статус и сословные черты однодворцев не как дворян, а как крестьян определились в ходе проведения петровской податной реформы — введения подушной подати в 1719—1724 годах. Указами о переписи населения правительство недвусмысленно выразило свое намерение включить однодворцев в подушный оклад.

Вот это обстоятельство — признание однодворцев плательщиками подушной подати — стало исходным моментом при определении особенностей их юридического статуса, что само по себе было весьма сложной и запутанной проблемой, ибо отличия служилых «по отечеству»

от «приборных», с одной стороны, и отличия служилых «московских чинов» от служилых юга, с другой стороны, были во многом размыты, неясны: часть московских чинов служили по спискам «украинных» Белгородского и Севского разрядов, а часть служилых этих разрядов оказалась в силу разных обстоятельств среди «московских чинов».

Если на высших ступенях чиновной лестницы проблема уточнения статуса не была особенно острой, то на низших — ближе к «приборным» — она резко обострялась, так как здесь шла речь о жизненно важных вещах — быть признанным дворянином и принадлежать к привилегированному «благородному» сословию или стать «подлым» крестьянином, тяглом. Именно так в петровскую эпоху ставился вопрос для большинства однодворцев.

Власти в полной мере использовали механизм податной реформы для проведения четкой границы между шляхетством (дворянством) и однодворцами. Запись в подушный оклад автоматически освобождала от явки на дворянские смотры, но зато влекла за собой распространение на положенных в тягло однодворцев законов о пресечении бегства тягловцев и т. д. В 1724 году Сенат распорядился, что спасением от подушного оклада не является даже грамота из Герольдмейстерской конторы, подтверждающая принадлежность к дворянству ее владельца, если такие однодворцы-дворяне «на полки уже росписаны и книги окончаны». Таких предписывалось «из подушного оклада не выключать, чтоб тем не учинить в распоряжении полков какого помешательства». Так и появлялись тяглые княжеские фамилии, подобные княжескому роду Симона Чистякова и их соседей.

Был еще один примечательный момент в определении юридического статуса однодворцев как недворян, близких по своему положению к крестьянам. В 1724 году ревизор Азовской губернии А. Мякинин писал, что «однодворцев причесть к помещикам невозможно, ибо оне хотя и имеют по стольку дворовых людей, но только самое мизерство, *понеже они и сами земледельцы*, и потому положены в подушный оклад и потому равны они тем своим людям»¹⁵.

Иначе говоря, социально-экономическое положение однодворцев, по мнению ревизора, является причиной распространения на них податного статуса, тягла, и од-

новременно тягло, положенное на однодворцев, является причиной приравнивания их к крестьянству. При этом следует отметить, что правительство Петра, заинтересованное в сохранении на опасных южных границах контингентов нерегулярных воинских сил, а также в освоении южных окраин, не пошло на полное превращение однодворцев в рядовых крестьян. Они сохранили право душевладения, купли-продажи земельных владений, власти препятствовали закрепошению однодворцев — тенденции, ставшей характерной по мере продвижения в XVIII веке крупного феодального землевладения на черноземы юга.

Однодворцы не являлись особым сословием. Они вошли в состав оформленного тогда же сословия государственных крестьян — нового социального образования, возникшего в ходе петровских социальных реформ.

Впервые мысль о формировании новой сословной категории возникла в 1723 году, когда Петр (согласно записи в журнале Сената) сказал: «Государственные крестьяня разумеются ясачники, половники, однодворцы и протчия тем подобныя; мордва, черемиса, что в указе изъяснить». В 1724 году новый термин был окончательно уточнен. Согласно «Плакату о подушной подати» новый налог будет взиматься «с государственных крестьян, то есть с однодворцев, с черносошных, с татар, с ясашных и Сибирской губернии пашенных, прежних служеб, копейщиков, рейтар, драгун, солдат, казаков, пушкарей, затинщиков и разсылщиков и всякого звания людей, которые в поголовную перепись написаны и в раскладку на полки положены»¹⁶.

Как видим, под термином «государственные крестьяне» законодатель подразумевал самое разнообразное тяглое население. Наиболее значительными группами оказались черносошные крестьяне русского Севера, так называемые ясашные крестьяне (русские и иноверцы) Поволжья, а также знакомые нам однодворцы юга. Кроме них в новообразованное сословие вошли крестьяне Сибири — так называемые пашенные крестьяне, отправляющие работную повинность — обработку «государевой десятинной пашни», оброчные крестьяне, а также «разночинцы» — осевшие в Сибири поселенцы из различных категорий: служилых, посадских, церковников и т. д. Общая численность государственных крестьян была значительна — не менее 20% от общего числа тяглых, то есть свыше 1 миллиона душ «мужеска полу».

Чем же были объединены в единое сословие поморы Беломорья, татары Казанской губернии, однодворцы Верхнего Ломова или Ельца, пашенные крестьяне Илимска, что их связывало воедино?

Ответ очевиден: акция Петра по образованию сословия государственных крестьян носила типично фискально-полицейский характер. Основанием для «шитья» лоскутного одеяла нового сословия служило то обстоятельство, что все эти мелкие сословные группы никому лично не принадлежали, то есть не находились в крепостной зависимости. Поэтому государство решило унифицировать всю эту пеструю совокупность свободных людей, превратить в единое, контролируемое сверху сословие.

Необходимо признать, что в петровский период политика самодержавия в отношении служилых и свободных от служб групп населения приобрела отчетливо выраженную тенденцию к ограничению их прав, сужению их возможностей в реализации тех преимуществ, которые у них были, как у людей, лично свободных от крепостной зависимости. Формально все категории, вошедшие в новое сословие, объединялись на основе уплаты повышенной (по сравнению с владельческими крестьянами) подушной подати. Эта прибавка рассматривалась как проявление «тяглой справедливости», ибо государственные крестьяне не были обязаны платить подати своим помещикам и приравном с помещичьими крестьянами государственном налоге оказывались «во льготе», чего власти, заботившиеся о «тяглой справедливости», допустить не могли.

Уже само объединение различных по своему положению групп населения в единое сословие государственных крестьян было не только и не столько финансовым, податным, но и важным социальным мероприятием. Его конечная цель состояла в установлении более жесткого государственного контроля, в ограничении юридических прав и возможностей свободных людей, всего народа. Конечно, эти ограничения не похожи на те, что налагал на своих крепостных крестьян помещик, они имели публично-правовой характер. Но, учитывая общие тенденции развития жесткой социальной политики самодержавия в петровский период, все же нужно признать, что «сочинение» великим реформатором России нового сословия государственных крестьян, привязанных к тяглу, ограниченных в территориальном и социальном перемещениях, превращало входившие в него категории в своеобразных

Русский крестьянин
XVIII века Гравюра Даль-
стена.

крепостных государства, причем превращение их просто в крепостных крестьян какого-либо владельца делалось в XVIII веке одним росчерком пера самодержца.

В эпоху, предшествующую петровской, власть самодержца как верховного суверена распространялась на все население, однако это верховное право не трактовалось как право помещика распоряжаться своими крестьянами. Но вследствие глубинных социально-экономических процессов, шедших в стране, резко усилилась зависимость некогда лично свободных людей от самодержавного государства, и именно таким стало право монарха в отношении государственных крестьян в послепетровскую эпоху, когда сделалось нормой «дарить» помещикам государственных крестьян — формально свободных подданных.

Петровские реформы принесли важные изменения и в положение подавляющей массы подданных — крестьян, являвшихся собственностью светских и духовных феодалов. До петровского времени сохранялось традиционное деление крестьян светских владельцев на «помещиковых» и «вотчинниковых» — по типу земельной собственности.

Крестьяне духовенства делились на церковных, архиерейских, патриарших и монастырских. По мере проведения петровских реформ такое деление утрачивало свое конкретное содержание из-за происходивших изменений социального и экономического характера: с 1714 года исчезла разница между поместьем и вотчиной, после церковной реформы не стало церковных и патриарших крестьян, были объединены конюшенные и дворцовые крестьяне и т. д. Одним словом, в новых условиях шли интенсивные процессы слияния различных прослоек крестьянства средневековья в единый класс.

Для значительной массы крестьян — помещичьих — важным нивелирующим фактором стало крепостное право, получившее юридическое оформление в Соборном уложении 1649 года. Уложение положило начало не только слиянию двух основных разновидностей крестьян — «помещиковых» и «вотчинниковых», но и слиянию крестьян с холопами — категорией, близкой по своему положению домашним рабам.

Институт холопства имел тысячелетнюю историю и развитое право. Именно после юридического оформления крепостничества интенсивно пошел процесс слияния крепостных крестьян и холопов, ибо на крепостное право оказали сильное влияние нормы более древнего холопского права. Иначе говоря, крепостничество сближалось с холопством в худших его проявлениях: на крестьянина стали смотреть как на живую собственность. Но все же к началу петровской эпохи холопы существенно отличались от крепостных крестьян тем, что, работая на барской запашке и в хозяйстве господина, они не были в большинстве своем положены в оклад и не платили государственных налогов. Кроме того, значительная часть их — так называемые кабальные холопы имели, согласно традиции, право выхода на свободу после смерти своего господина. Обычай требовал, чтобы умирающий помещик отпускал на свободу своих холопов, совершая тем самым богоугодное дело.

При Петре процесс сближения крепостных крестьян и холопов был резко усилен. И очень большую роль в этом сыграла податная реформа.

Дело началось с того, что, анализируя начатую подушную перепись населения, Петр усомнился в том, что помещики представляют полноценные «сказки» о своих крестьянах, а не пытаются скрыть крестьян под видом хо-

лопов-дворовых, не подлежавших обложению и поэтому не подвергавшихся переписи. 5 января 1720 года он писал Сенату: «Понеже я слышу, что в нынешних переписях пишут только одних кресьян, а людей дворовых и протчих не пишут, в чем может быть такая ж утайка, как и во дворах бывала (Петр напоминает неудачные переписи дворов в начале XVIII века.— *Е. А.*). Того ради подтвердите указом, чтоб всех писали помещики своих подданных, какова они звания ни есть...»

Итак, включение холопов в подушную перепись объяснялось опасением утайки тяглых крестьян под видом бестяглых холопов. Наконец, через три года, решая срочные вопросы податной реформы, Петр постановил: «Писать всех служащих (т. е. слуг.— *Е. А.*), как и крестьян, и положить в побор»¹⁷. В итоге все холопы были уравнены в податных обязанностях с крестьянством вне зависимости от того, где они жили — в городских домах или сельских владениях господина — и чем занимались, и тем самым автоматически утрачивали право выхода на свободу. Так единым росчерком пера был уничтожен тысячелетний институт холопства.

За всем этим стояли не только фискальные соображения Петра. Тенденция к закреплению холопов за помещиками была в целом характерна и для предшествующего времени, однако петровская эпоха кардинальным образом изменила положение. Смысл перемен в судьбе холопства состоял в том, что была разрушена та социальная база, на которой зиждилось холопство как сословие и институт. Речь идет о резком ограничении источников пополнения холопства. После Уложения 1649 года, запретившего поступление в холопы крестьянам-тяглецам, а также служилым, единственным источником холопства стали так называемые «вольные и гулящие». Петровский режим с жесткой системой социального и административного контроля перекрыл этот единственный легальный источник пополнения холопства.

Во-первых, развернулась повсеместная и последовательная борьба с беглыми, а также всеми «вольными и гулящими», которые ставились вне закона и преследовались, как беглые.

Во-вторых, начав Северную войну, Петр увидел в холопах источник пополнения армии живой силой. Можно без преувеличения утверждать, что молодая регулярная армия Петра до начала рекрутских наборов с крестьян-

ства (1705 г.) создавалась главным образом из холопов, которых было большинство среди «вольных» и «даточных». Согласно постановлениям от 1 февраля и 23 декабря 1700 года все помещики, отпускавшие своих холопов на свободу, были обязаны представить отпущенников в Преображенский приказ, где их освидетельствовали и записывали в армейские полки. Лишь негодные к службе могли получить свободу. Всего до 1711 года на счетах было освидетельствовано 158 тысяч человек и принято в полки 139 тысяч¹⁸. По-видимому, почти все они оказались холопами и «вольными», так как крестьян принимать запрещалось. Указы об освидетельствовании и мобилизации отпущенников и приеме волонтеров из холопов и «вольных» действовали на протяжении всей войны.

Обе названные меры, как и борьба с беглыми и «гулящими», самым серьезным образом подрывали, размывали питающую институт холопства среду.

Начало подушной переписи и ревизии душ мужского пола сопровождалось, как уже отмечено, повсеместным учетом холопов. Кроме того, ревизоры вели учет отпущенникам, которые были обязаны срочно подыскать себе место для записи в подушный оклад, ибо нетяглое положение подданного, не состоящего при этом на службе, не допускалось. Это практически означало, что вышедшие на свободу отпущенники были вынуждены, в большинстве своем, записываться в оклад за помещиками, и на них оформлялись крепостные акты, они становились крепостными.

И здесь необходимо отметить своеобразный парадокс, порожденный развитием крепостного права. Уложение 1649 года, оговорив основное условие кабального холопства — крепость по кабале «по смерти господина», одновременно утвердило потомственную вечную зависимость крепостного крестьянина от помещика. Этим самым создавались «правовые ножницы» в пользу кабального холопа, ибо он имел право выхода на свободу по закону, чего уже не имел крепостной крестьянин. Ликвидировать эти «ножницы», снять традиционное, но в условиях крепостничества анахроническое право холопа на свободу, пусть в ограниченных масштабах, — вот что стало социальной целью податной реформы, в ходе которой холопы были закреплены за помещиками, соответственно тем самым было ликвидировано холопство как сословие.

Преимущества этой акции убедительно доказывались

сенаторами в особом «мнении». Цитирую: «На 8-и пункты мнениями объявили: дворовых людей в число поголовных приписывать... токмо б оных в вольницу не принимать, дабы излишняго платежа не было, а когда дворовые будут росписаны по деревням со крестьяны, чтоб тогда помещики вольны были так, как и крестьяне, и пожилые годы, ежели оные, бегая, за кем будут жить, указывать, равно как из крестьян, ибо подать с них будет равная».

Итак, мы видим, что распространение на дворовых, большая часть которых была как раз холопами, подушной подати делало их во всех отношениях равными крепостным крестьянам: им запрещалось поступать в армию под тем предлогом, что на оставшихся в окладе падут за них излишние платежи; в случае бегства холопов с их держателей взыскивались штрафы за прожитые в бегах годы («пожилые годы»). А самое главное, в предложении сенаторов выражена социальная направленность акции включения холопов в подушный оклад — в этом заинтересованы прежде всего помещики, ибо это означало закрепление холопов и их потомков за владельцами, что уравнивало холопов и крестьян во власти помещика, «чтоб тогда помещики вольны были так [с ними поступать] как [с] крестьянами». Резолюция Петра на предложение Сената поставила точку в истории русского холопства: «На 8-й. Людей дворовых чтоб расписать по деревням, дабы *вечно* с крестьянами»¹⁹.

Представляется, что эта акция имела далеко идущие последствия в истории русского крестьянства. Дело в том, что холопы работали не только в домашнем хозяйстве господина конюхами, скотниками, садовниками, поварами, ремесленниками, составляя так называемую дворню. Данные по некоторым уездам показывают: бо́льшая часть так называемых деловых и дворовых людей (свыше 70 %) являлись холопами, не имевшими собственного хозяйства или участка земли, подобно крестьянам, работали исключительно на поле господина и жили в специальных «людских», «челядинных» дворах, получая при этом так называемую «месячину» — питание в расчете на месяц. Функционирование института холопства постоянно обеспечивало барское хозяйство рабочей силой, и, по-видимому, доля труда холопов в хозяйстве помещиков была значительной. С уничтожением института холопства тяжесть барщинных работ перекладывается на плечи собственно крестьян. Именно с этим, видимо,

связано и столь заметное усиление барщинных отработок крепостных крестьян, норма которых, по данным Ю. А. Тихонова, приближалась к предельной физической возможности эксплуатации человека.

У Петра были давние намерения навести порядок, как он его себе мыслил, не только в деревне, но и в городах. Дело в том, что тяжелые повинности, налагаемые на посадские общины во время войны, стали причиной выхода посадских из общин и бегства их в другие места или перехода в «ыные чины» (крестьяне, служилые, церковники, ямщики). При этом выход не означал отъезда из города и даже изменения занятий: став ямщиком или чьим-либо холопом, такой посадский уже был неподвластен посадской общине. Столь известная и часто повторяемая в литературе фраза регламента Главного магистрата: «дабы всероссийское купечество, яко разсыпанную хramину, паки собрать» — понималась современниками как распоряжение о возвращении в посад тяглецов, которые (как записано далее в регламенте) «не похотя с посадскими служить и податей платить, вышли из слобод какими-нибудь образы и подлоги в разные чины, и в крестьянство, и в закладчики, и якобы за долги отданы». 5 февраля 1722 года был принят указ: «Посадских переписать и которые вышли в деревни и иные места, во дворцовые и помещичьи для укрытия, всех взять в посады». Важно отметить, что Сенат повел вообще решительную борьбу со всяким перемещением посадских. Указом 25 мая 1722 года Сенат предупреждал: «А купецким людям всем объявить, чтоб им без указу собою з города на город для житья не переходить и домов своих не оставлять»²⁰, угрожая, что такие переходы будут рассматриваться как бегство.

Главный магистрат, отражая мнение купечества, заявил, что такой порядок нанесет ущерб самой коммерции, немыслимой без необходимой свободы передвижения, нанесет ущерб платежеспособности посадов. Со значительными оговорками Сенат был вынужден признать правоту купечества и не требовать насильственных переселений из других городов и запрещения переезда по торговым делам.

Но было бы неправильно думать, что «собираение рассыпанной хramины купечества» было самоцелью Петра. Его мысль шла дальше: он ставил задачу коренным образом перестроить эту хramину на новый, европейский

манер. Петр решил унифицировать социальную структуру города, перенеся в него западноевропейские институты: магистраты, цехи, гильдии. Все эти институты, имевшие глубокие корни в многовековом развитии западноевропейского города, были привнесены в русскую действительность насильно, административным путем. Не преувеличивая, можно сказать, что в одно прекрасное утро горожане всех русских городов проснулись членами гильдий и цехов.

Это было сделано согласно принятому 16 января 1721 года регламенту Главного магистрата. В специальной главе VII с характерным для петровской политики названием «О разделении гражданства» говорится:

«Магистрату граждане надлежат и в двух гильдиях состоят такие... первой гильдии или первостатейные состоят и от другога подлаго гражданства привилегиями и преимуществы суть отменны, яко: банкиры, знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги, и которые разными товарами в рядах торгуют, городские доктора, аптекари, лекари, шкиперы купеческих кораблей, золотари (имеются в виду, конечно, мастера золотых дел.— Е. А.), серебрянники, иконники, живописцы.

Во второй гильдии — которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуют, также рукоремесленные, рещики, токари, столяры, портные, сапожники и сим подобные. Прочие же все подлые люди, обретающиеся в наймах и в черных работах, которые нигде между знатными и регулярными гражданами не счисляются».

Далее авторы регламента столь же решительно утверждают в русской жизни цехи: «И по такому определению каждое художество и ремесло свои особливья цунфты (цехи) или собрания ремесленных людей и над ними алдерманов (или старшин) по величеству города и по числу художников имеет, також и каждое ремесло и художество свои книги имеют, в которых регулы или уставы, права и привилегии ремесленных людей содержаны быть должны»²¹.

По-видимому, по замыслам Петра, все обстояло предельно просто и реализовать нормы регламента было нетрудно. Возможно, поэтому распределение городских жителей по гильдиям проводилось одновременно с определением их в подушный оклад. Когда дело дошло до определения числа плательщиков подушной подати с городского населения (а она составляла не 74 копейки, как с

крестьян, а 1 рубль 20 копеек), ревизоры не стали облагать особой податью официально признанных вне городской общины «подлых людей», а, заботясь об оптимальном «податном числе» в каждом городе, стали включать их в общее для всех посадских тягло. О том, чтобы следовать норме регламента 1721 года, никто и не думал. В итоге в городах появились диковинные купцы, писавшие в переписных «сказках», подобно зачисленному в Тверской посад как «купец» бывшему дьячку Н. Попову: «Промысел у меня, Никиты, черная работа».

По данным М. Я. Волкова, в ряде городов — Твери, Торжке и других — в купечество было зачислено 1129 семей тех, кто занимался «черной работой», что от общего числа посадских семей в этих городах составляло не менее 45 %. При зачислении в ремесленные цехи тоже думали не о развитии ремесла, а о фискальных интересах, ставя цель просто увеличить число тяглых единиц, облагаемые повышенным, «посадским» налогом²².

Более того, известно, что в погоне за выполнением своеобразного «плана» по сколачиванию «податного числа» ревизоры не останавливались перед зачислением в купечество нищих, «вольных и гулящих», даже крепостных: тверские посадские писали в жалобе, что в посадский оклад положены «крепостные наши работники» и дворовые.

Так благое начало, заложенное в регламент, оказалось чистойшей фикцией, далеким от подлинных проблем горожан, надуманным и разорительным для состоятельной части посада начинанием. Дело в том, что зачисление в гильдии несостоятельных членов увеличивало сумму налога с данного города. В то же время сохранялся старинный принцип внутригородской разверстки, в основе которой лежало правило определять размер налога с каждого члена общины по его «животам и богатству», то есть благосостоянию, не обращая внимание на размер подушной подати, положенной с него. В итоге тяжесть платежей падала на наиболее состоятельных жителей городов, обязанных платить за нищих и несостоятельных. Таким образом, городская реформа хотя и привела к формальному «собиранию храмины купечества», но обложение городских жителей подушным налогом не дало никаких новых импульсов для развития города, даже, наоборот, затормозило процесс оформления капиталистических отношений там, где они могли бы развиваться.

Исходя из идеи сохранения старого порядка, правительство поступило и в вопросе о так называемых «торгующих крестьянах» — живших в городах и имевших свое дело владельческих и государственных крестьянах. Если крестьяне, поселившиеся в городах до начала реформы и внесенные в посадское тягло, попросту записывались в подушный оклад как посадские, то иная судьба ожидала крестьян, живших в городе и не внесенных в посад. Все они подлежали немедленной высылке в деревню. После вывоза такой крестьянин причислялся в тягло там — в деревне, а затем, получив паспорт, мог вернуться в посад.

В установлении такого порядка и состоял замысел Петра, отраженный в указе от 13 апреля 1722 года. Суть его была в том, что «торгующий крестьянин» мог свободно записываться в посад, выполнив при этом два условия: во-первых, он, как и его потомки, сохранял вечно и неизменно зависимость от своего господина, которому был обязан платить оброки; во-вторых, чтобы попасть в посад, он должен был иметь торги на огромную по тем временам сумму — не менее 500 рублей²³.

Таким образом, узаконивая практику перехода сельского населения в посады, указ Петра ставил ее в весьма жесткие рамки и фактически затруднял, ибо установление высокого ценза при вступлении в посад позволяло обосноваться в нем лишь небольшому числу крестьян. В самом посаде такой крестьянин не являлся равноправным членом и был обязан с объявленной суммы платить большие налоги. Закон давал крестьянину возможность торговать, закрепляться в городе, но одновременно гарантировал его помещику власть над ним. Тем самым как бы удлинялась цепь, на которую был посажен бесправный крепостной, вознамерившийся выйти из деревни и развернуть свое дело. И в данном случае можно утверждать, что петровская реформа закрепляла и усиливала старые социальные структуры — вступивший на территорию города, как и раньше, не становился свободным.

Более того, петровская реформа усилила, унифицировала разнообразные ограничения для подданных. Ограничения, о которых идет речь, были трех видов: ограничения в передвижении по стране, ограничения свободы выбора занятий, ограничения социальных перемещений — перехода из одного «чина» в другой.

С одной стороны, все эти ограничения обуславливались традиционными сословными принципами, направляющими усилия государства не только на грубое подавление социальных движений, но и на соблюдение освященной традицией и законом социальной стабильности, «правильности» перехода из одной сословной группы в другую. В сохранении монополии сословных занятий и соответственно этому специфического социального статуса каждого сословия видели основу правопорядка, справедливости и процветания общества, государства, а в нарушении — неисчислимые беды. Экономическое развитие петровской эпохи, при всей его однобокости, приводило к определенным подвижкам в социальной структуре, и это уже считалось опасным. В записке Меншикова, Макарова и других послепетровских деятелей (1726 г.) отмечалось: «Понеже посадские прежде сего деревень не покупали, но жили одним своим торгом и промыслом, и оттого и пошлину бездоимочно платили, а ныне многие посадские деревни покупают и, насопровит того, многие помещики в торг вступили». Такое «несходство» занятий сословий осуждалось, ибо «купцы, оставя свои торги, стали больше за деревенскими делами ходить и ябедничать, а помещики, оставя должное смотрение за крестьянами, больше за торгами своими пошли»²⁴.

Нельзя думать, что в этом проявилась только критика начинаний великого реформатора после его смерти. На таком представлении о «разделении» занятий сословий во многом зиждилась средневековая общественная психология, далеко не изжитая в XVIII веке. Купечество, горожане боролись за сохранение исключительного права на торгово-промышленную деятельность, к которой в петровскую эпоху стало подключаться дворянство, почувствовавшее запах «легких» денег в этой сфере хозяйства, а также «торгующие крестьяне», стремившиеся внедриться в город, но при этом не нести городских повинностей, общих для всего посада. Дворяне со своей стороны, считая себя самым привилегированным сословием, боролись за ограничение и даже запрещение душевладения для всех других сословий и т. д. Отголоски такой борьбы слышны в законодательстве, публицистике, челобитных XVII—XVIII веков.

С другой стороны, сословные нормы, ограничения, о которых идет речь, особенно усилились в петровскую эпоху. Законодательство Петра отличалось большей четко-

стью в регламентации прав и обязанностей каждой группы населения, идет ли речь о старых или вновь возникших сословиях, что уже было отчасти показано выше, и соответственно — более жесткой системой запретов, касающихся социальных перемещений. Нет спора о том, что Табель о рангах открывала путь наверх представителям низших сословий, но она и устанавливала строгий порядок стратификации, четко обозначала границу, отделявшую привилегированный класс от других. Практика прежнего неконтролируемого социального перемещения ушла в историю. Роль, подобную Табели, сыграла и подушная подать. Внесение человека в подушный оклад автоматически означало закрепление его в непривилегированном сословии, делало фактически невозможным смену им социального статуса.

Как мы видим, выражение «произведение подданного всеоссийского народа» — совсем не высокопарная метафора, а реальное отражение серьезных социальных сдвигов, приведших к кардинальным изменениям статуса, судьбы всех сословных групп русского общества. Сословные преобразования Петра были отчетливо ориентированы на расширение и усиление влияния государства в социальной сфере. Идет ли речь о дворянском сословии или посадских, холопах или крестьянах — всюду в основание социальной политики ставились прежде всего интересы «регулярного» государства, грубо подчинявшего, реформировавшего или деформировавшего, ускорявшего или замедлявшего многие естественные социально-классовые процессы — следствие развития общества от средневековья к новому времени.